

На правах рукописи

Рахмонова Нилуфар Рузикуловна

**СААДИ ШИРАЗИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.2. Литературы народов мира**

Душанбе – 2025

Работа выполнена на кафедре мировой литературы Таджикского национального университета

Научный руководитель:

Имомзода Мухаммадйусуф Сайдали – академик НАН Таджикистана, доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Салихов Шамсиддин Аслидинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории таджикской литературы Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

Бариева Мавлюда Хильватиевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук филиала НИУ Московского Энергетического института

Ведущая организация:

Таджикский международный университет иностранных языков им. Сотима Улугзаде

Защита состоится 19 декабря 2025 года в 13³⁰ часов на заседании диссертационного совета 73.2.012.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском национальном университете (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.tnu.tj Таджикского национального университета (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17).

Автореферат разослан _____ 2025 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Садуллаев Дж.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Персидско-таджикская литература и фольклор стали неотъемлемой частью русского литературного процесса. Ярким примером русско-таджикских литературных связей является освоение произведений Саади Ширази русским литературным процессом.

Актуальность темы исследования. Таджикским литературоведением должным образом не изучена и не рассмотрены особенности восприятия произведений Саади в контексте русско-таджикских литературных связей и проблема перевода. Это определило **актуальность** нового научного исследования по изучению *идейно-художественной сущности рецепции творчества Саади русским литературным процессом*. Выбор темы исследования связан с изучением и осмыслением творчества Саади в контексте русско-восточных литературных связей.

Европейские ориенталисты еще в XVII веке обратили внимание на творчество Саади. Труды и исследования были известны русским читателям и любителям восточной словесности. В российских журналах XVIII века произведения Саади публикуются часто. В периодике XIX века восточная тема будет продолжена. Творчество Саади не обошли вниманием и русские писатели XVIII века: А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, И.А. Крылов. Нравоучение и дидактизм произведений Саади отразились в русской «восточной» повести XVIII-XIX веков. В литературе XIX века Саади обогатил творческую мастерскую А.С. Пушкина, А.А. Марлинского, Д.П. Ознобишина, А.С. Грибоедова, Ф.В. Булгарина, А.А. Фета, Л.Н. Толстого; а в XX веке к творчеству классика персидско-таджикской поэзии обратились общество поэтов-модернистов «Северный Хафиз», И.А. Бунин, С. Есенин.

Сильное влияние Саади на русскую и европейскую литературу является бесспорным фактом. Саади Ширази, будучи блистательным поэтом и прозаиком, автором всемирно известных книг «Гулистан» и «Бустан», переведенных на русский и многие языки мира стал своеобразным мостом для литературных связей Запада и Европы с персидско-таджикской литературой и культурой. Его вышеперечисленные произведения служили источником многих западных легенд и аллегорий.

Этим можно объяснить огромный интерес русских востоковедов к творчеству Саади в контексте русско-восточных литературных связей.

Степень разработанности темы связана с вкладом таджикского литературоведения в исследование таджикско-русских литературных связей. Степень изученности темы связана с вкладом таджикского литературоведения в исследование таджикско-русских литературных связей.

Примером таких исследований являются коллективные сборники статей¹. Проблемам литературных связей посвящены диссертационные² и научные

¹ Вопросы таджикской филологии: сборник статей АН Тадж. ССР (1985); Закономерности развития русско-восточных литературных связей: сборник статей ТПИРЯЛ (1992); Проблемы литературных связей: монография (РТСУ, 2018);

² Алимova Д.Х. «Восприятие и осмысление персидско-таджикской литературы русской критикой первой половины XIX в.» (1995); Гольц Т.М. «К проблеме влияния таджикско - персидской литературы на русскую литературу 20-30-х гг. XIX в.» (1980); Маленький И.М. «Персидско-таджикская литература в украинских переводах» (1990); Мухтаров Ш. Персидско-таджикская классическая поэзия во Франции (1989); Раджабова К.Х. Таджикско-туркменские литературные связи (на примере произведений Махтумкули Фраги) (2017); Рахманов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века (2018); Рустамова Г.Х. Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого) (2016); Самад В. Основные вопросы таджикско-азербайджанских литературных связей в XIX веке (1975); Ходжамуродова Ш.А. Особенности изучения переводов «Гулистана» Саади в Китае (2019);

исследования³. Значимыми для нашей темы являются работы по ориентализму в творчестве А.С. Пушкина⁴. Большое количество работ о литературных связях ограничено охватом материала, например творчеством отдельного писателя⁵. Научные работы по истории персидско-таджикской литературы и изучению творчества Саади⁶. Отметим, что проблема освоения произведений Саади в отечественном литературоведении не игнорировалась.⁷ Рассматриваются учеными-ориенталистами и проблемы перевода⁸. Проведенный нами анализ научной литературы, связанной с темой «Саади Ширази и русская литература: литературные связи и проблема перевода», показывает, что в отечественном литературоведении отсутствуют монографические исследования, посвященные рецепции произведений персидско-таджикского классика русским литературным процессом. Исходя из этого, в диссертации заявлена тема исследования, которая является попыткой восполнить пробел и внести свой вклад в решение проблем русско-восточных литературных связей.

Цель исследования заключается в том, что связь творчества Саади с русской литературой рассматривается не в общем русле русской компаративистики, а период начала знакомства с творчеством и произведениями персидско-таджикского классика и освоением мотивов Саади Ширази русской литературой, на примере творчества отдельно взятых русских писателей (Крылова, Карамзина, Грибоедова), по существу являющихся представителями литературы одной эпохи.

Задачи исследования:

³ Гадоева Н.С. Восточные образы в произведениях французских просветителей (2013); Гейзер А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты (1999); Давронов А. Равобити адабии халкҳои тоҷикӣ арман (Литературные связи таджикского и армянского народов) (2008); Каганович С.Л. Русский романтизм и Восток (1994); Махмудов Д. Робитҳои мутақобилаи адабии Шарқу Ғарбӣ асрҳои XVII-XVIII (Литературные взаимосвязи Востока и Запада в XVII-XVIII веках) (2016); Мотамедниа М. Персия в произведениях устного народного творчества и древнерусской литературы (2014); Муродӣ Н. Вуруди адаби форсу тоҷик ба сарзамини уйғур (Распространение персидско-таджикской литературы на уйгурской земле) (2012); Муродӣ Н. Таҳқиқи адабиёти форсизабон дар Ғарби Чин (Исследование персоязычной литературы в Западном Китае) (2013); Мухтор Ш. Фирдоуси во Франции (1999); Халед Ховзи Абдул Амир. Персидские темы и мотивы в русской литературе первой половины XIX века (2010); Шодикулов Х. «Издревле сладостный союз...» (краткие очерки истории таджикско-русских литературных связей) (2006); Абрамов С.Р. Персидские мотивы в русской поэзии (о влиянии и рецепции Персии в русской культуре с Древних времен до Серебряного века) [Электронный ресурс] (2016); Алексеев П.В. Ислам в русской литературе: рождение гипертекста [Электронный ресурс] (2007);

⁴ Атаханов Д.Т. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина (2000); Пушкин в странах зарубежного Востока: сборник статей (1979); Пушкин А.С. и Восток: сборник статей РТСУ (1999); Русский язык и двуязычие в моей жизни: сборник статей ТГНУ (1999); Б. Ходжибаева, М. Мирзоюнус Пушкин и Восток: монография (1999);

⁵ Абдулазизова З.С. С. Есенин и загадочный Восток («Персидские мотивы») (2016); Бариева М.Х. Роль и место Сергея Есенина в западно-восточном литературном синтезе («Персидские мотивы») (2007); Гольц Т.М. Сердце брата: очерк (1991); Рахманов Б.Р. А.А. Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература (проблема перевода и влияния) (2006);

⁶ Махдиев С. Из истории прозы таджикско-персидской литературы: монография (2000); Тоджибоев Ш. «Бӯстон»-и Саъдӣ ва маснависароии форсу тоҷик дар асрҳои XIV ва нимаи аввалии XV («Бӯстон» Саади и персидско-таджикское поэмосложение в XIV и первой половине XV веков) (2015); Хусайнӣ, С.А. Маохизи «Бӯстон»-и Саъдӣ (Источники «Бӯстана» Саади) (2015);

⁷ Ваххобова М. Место и значение Саади в мировой литературе (2016); Гуломова С.Н. Влияние таджикско-персидской литературы на русскую литературу (Саади и Бунин) (2015); Насире Нафисе. Сюжет из «Гулистана» Саади в «Азбуке» Л.Н. Толстого (2015); Рахманов Б.Р. Мотивы поэзии Саади Ширази в лирике Д.П. Ознобишина (2015); Рахманов Б.Р. «Гулистан» Саади как первоисточник «восточной» повести Ф.В. Булгарина «Милость и правосудие» (2016); Самадова З.С. Назидания Саади в «Русских книгах для чтения» Льва Толстого (1999); Холов Х.Р. Пушкин и Саади (2017); Мустафа Байэшанов. Солнце восходит с Востока (2015);

⁸ Давронов А. Зеленая книга времен (вопросы поэтики художественного перевода) (2012); Мамадиев Ж.Ў. Тарҷумаҳои «Гулистон»-и Саъдӣ ба забони ўзбекӣ (Переводы «Гулистана» Саади на узбекском языке) (2012); Ходжимуродова Ш.Р. К истории перевода «Гулистан»-а Саади на китайский язык (2015);

- рассмотреть вхождение Саади Ширази в русский литературный процесс, восприятие и осмысление произведений персидско-таджикского классика русскими писателями;

- проанализировать рецепцию образов и мотивов Саади в русской литературе;
- выявить проблемы переводов персидско-таджикской классики, в частности произведений Саади, русским литературным процессом.

Объектом исследования являются оригинальные произведения Саади Ширази, произведения русских писателей (Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова), переводы А. Нарцева, И. Холмогорова и С. Назарианца; научные работы европейских, русских и отечественных литературоведов о творчестве Саади.

Предмет исследования прозаические и стихотворные произведения Саади Ширази и его переводы на русский язык.

Новизной диссертационной работы является выявление и анализ источников реминисценций из произведений Саади, конкретно переводов Крылова, Карамзина, Грибоедова, что является совершенно новым подходом в русском и таджикском литературоведении.

Теоретическая значимость диссертации обоснована тем, что достигнутые в диссертации научные результаты и практические рекомендации могут быть применены в дальнейших исследованиях русско-таджикских литературных связей, в дальнейшей практике переводов персидско-таджикской литературы в более широком масштабе.

Практическая ценность работы заключается в нацеленности ее результатов на преподавание в высших учебных заведениях дисциплин «История русской литературы», «Переводоведение», разработку спецкурсов и спецсеминаров по проблемам ориентализма в русской литературе XIX века, научно-исследовательскую работу студентов.

Метод исследования: диссертационная работа основывается на сравнительно-историческом и текстологическом методе.

Русско-восточные, а конкретно русско-таджикские, литературные связи являются предметом пристального внимания исследователей. Исследователи ориенталисты изучали процессы взаимовлияния: использование образов и мотивов персидско-таджикской классики, и в частности творчества Саади, русским литературным процессом.

Методологической основой изучения русско-таджикских литературных связей являются исследования В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, Г.И. Ломидзе, С.Л. Каганович, А. Дима, Д. Дюришина; И.С. Брагинского, М. Шукурова, С. Табарова, Р. Мусулмонкулова, А. Сайфуллаева, М. Шукурова, Х. Шодикулова, А. Давронова, А. Нуралиева, М.С. Имомова, А. Абдусатторова.

Положения, выносимые на защиту:

1. В своих исследованиях европейские ориенталисты (Б. д'Эрбело, А. Журден, И.В. Гете), а вслед за ними и русские востоковеды (А.А. Бестужев-Марлинский, Д.П. Ознобишин), обратили внимание на персидско-таджикскую литературу и, в частности, на жизнь и творчество Саади и постарались ознакомить читателей с наследием классика.

2. Жанр басни прочно опирается на традиции. Сюжеты, образы и мотивы повторяются в произведениях авторов разных народов и времен. Это относится к И.А. Крылову. Сюжеты басен Крылова часто восходят к античным и восточным авторам:

Эзопу, Федру, к сюжетам Лафонтена. Влияние Саади на Лафонтена очевидно: обращаясь к творчеству персидско-таджикского классика, баснописец черпал сюжеты и темы. И стал своеобразным проводником для других писателей, в том числе И.А. Крылову, в сокровищницу персидско-таджикской литературы.

3. Причина обращения к персидско-таджикской литературе и творчеству Саади Ширази (отрывку из «Бустана») была связана с взглядами Н.М. Карамзина – писатель выражает идеологию просветителей. Практическая философия должна помочь читателю разобраться в жизни, принятию правильного (мудрого и взвешенного) решения вопросов повседневного быта.

4. Знатор персидского языка и литературы, А.С. Грибоедов в своих произведениях (в комедии «Горе от ума» и поэме «Кальянчи») использовал мотивы творчества Саади.

5. Ориентальная литература и переводы из восточных литератур способствовали сближению культур. Эти правила жизни мусульман, определенные нормы поведения обогатят знания европейцев о Восточных народах, будут понятны и близки читателю.

6. Восточный материал может быть выбран в соответствие с эстетическими взглядами. Переводчики знакомят читателей с новыми темами и идеями, образами и мотивами, при этом избирательно отходит от оригинала. Одной из причин этого является особенности языка. Другой особенностью является индивидуальность переводчика: его взгляды и причины обращения к произведению.

Сопоставления оригинальных строк (через подстрочный перевод) с переводами свидетельствует о множественности переводов.

7. При художественном переводе персидско-таджикской поэзии на русский язык наблюдаются вариации одного и того же произведения. Первая причина обусловлена подготовленностью переводчика и его субъективный выбор аналогий на русском языке. Вторая причина связана с уровнем соответствия подстрочного перевода оригиналу, на основе которого делался художественный перевод (опять же сказывается роль переводчика).

8. Существует ряд проблем при переводе благозвучной (рифмованной) прозы персидско-таджикской классики на русский язык. При передаче смыслового содержания могут быть упущены особенности рифмованной прозы. При переводе на русский язык не всегда можно подобрать и применить одинаковые по форме и звучанию слова.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы отразились в 4 статьях опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК. Диссертант участвовала с докладами на Международных научно-практических конференциях. По материалам научного исследования опубликована монография.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и примечания.

Основное содержание диссертации

Во **Введение** определены цели и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость, новизна научной работы.

Глава первая «**Саади Ширази в контексте русско-восточных литературных связей**» состоит из 5 разделов. Первый раздел «**Саади Ширази и его творчество в европейской ориенталистике**» рассматривает изучение творчества персидско-таджикского классика европейскими ориенталистами. Русская литература с момента появления письменности и до наших дней развивалась в тесном взаимодействии с

географически близкими культурами и литературами восточных народов. Это взаимодействие было весьма плодотворным. Знание русского литературного процесса – творчества русских писателей – будет объёмным и глубоким, если обратит внимание на то, какое место в их художественном мире занимал Восток.

Жизненный путь и творчество персидско-таджикских классиков рассматривалось многими известными европейскими востоковедами. В своих трудах европейские ориенталисты, а вслед за ними и русские, обратили внимание на персидско-таджикскую литературу и, в частности, на жизнь и творчество Саади и постарались ознакомить читателей с наследием классика.

Один из трудов XVIII века, вобравший европейские познания о Востоке, является «Восточная библиотека» Бартеlemi д'Эрбело де Моленвиля. Этот универсальный словарь, состоящий из 8600 статей, содержал сведения о народах Востока.

Б. д'Эрбело в своем труде суммировал сведения о Саади. Дана краткая информация и о его творчестве. Саади сочинил «Гулистан» (часть в прозе, часть в стихах) и «Бустан» (который написан стихами). Б. д'Эрбело призывает обратить внимание на название книг.

Книга «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи» (1814) А. Журдена посвящена государственному управлению и географии, религии и литературе Персии (Ирана). Книга содержит сведения о жизни и творчестве персидско-таджикских классиков. Литературоведческий материал из книги А. Журдена был переведен на русский язык и опубликован в «Вестнике Европы».

Саади представлен как «глава персидских нравоучителей, красноречивейший и благоразумнейший стихотворец на целом Востоке». Журден ознакомил читателей с биографией поэта, причиной наречения имени, обучением и получением образования, долгим годам скитаний по Малой Азии, Египту и Индии. Он привлекает внимание исследователя не только как поэт-нравоучитель, его сведения были глубоки и разнообразны.

Гулистан предстает перед читателем в основном прозой и частично в стихотворной форме. Дидактические материалы оформлены в остроумных восхвалениях добродетели, или историческими примерами, каждое повествование завершается суждением или мудрым правилом. Слог Гулистана ясный и цветущий, мысли являются справедливыми, прелестными и нежными. Бустан написан в стихотворной форме и состоит из десяти глав. «Сади говорит в нем о правосудии, о правлении, о страхе и любви к Богу, о благодеянии, великодушии, человеколюбии и проч.».

«Западно-Восточный диван» (1819) И.В. Гете – значимое произведение, ознакомившее европейского читателя с историей и культурой восточных народов, лучшими представителями персидско-таджикской классики.

О жизни Саади сказано, что уединенная жизнь дает возможность написать свои произведения, поделившись с современниками и потомками своим жизненным опытом: «Исключительная его цель – наставления читателей, слушателей».

Анализ жизни и творчества представителей персидско-таджикской литературы немецкий исследователь заключает выводом, что внимание Саади сконцентрировано в познании и убежден в необходимости наставлять и поучать.

Сведения о произведениях Саади содержит и сам текст «Западно-восточного дивана» И.Ф. Гете и Примечания к нему. Если обратимся к названиям двенадцати книг (глав) дивана Гете, то очевидно несомненное влияние мудрости и морали Саади

– «Тефкир-наме» (Книга Размышлений), «Хикмет-наме» (Книга Изречений), «Масаль-наме» (Книга Притч). Книга Изречений представлена произведениями аллегорического содержания. В «Саки-наме» (Книга Кравчего) прямое обращение к творчеству Саади Ширази и говорится о взаимоотношениях людей раннего и преклонного возраста.

Мотив смирения отразился в «Масаль-наме» (Книге притч), в которой И.В. Гете поместил притчу о капле, ставшей жемчужиной.

«В пучину капля с вышины упала, –
Ходили волны, ветер выл,
Но бог, узрев смиренной веры пыл,
Дал капле твердость высшего закала.
Ее в себя ракушка приняла,
И вот в венце властителя державы,
Признаньем доблестей и славы,
Блестит жемчужина, прекрасна и светла».

Источник этого стихотворения поэма Саади Ширази «Бўстон» и газель о покорной и смиренной дождевой капле (из четвертой книги «О смирении» – «Дар тавозуъ»). Капля осознала свою ничтожность в море. Покорная судьбе и смиренная капля впоследствии вознаграждена. Раковина превращает каплю в красивую жемчужину. Судьба благосклонно отнеслась и оценила скромную, смиренную и покорную каплю. Так стала примером капля дождевая⁹:

Вершину обрела оттого, что избрала скромность,
Постучала в дверь небытия и обрела Бытие.

При сопоставлении становится очевидным, что оба произведения объединяет одна мысль: смирение и покорность судьбе, умение довольствоваться малым.

Второй раздел «**Саади Ширази в российском востоковедении XVII-XIX вв.**» посвящен первым обращениям публицистики России к творчеству Саади. Творчество Саади Ширази привлекало внимание европейских и русских переводчиков своей мудростью и дидактизмом. В российских журналах XVIII века произведения Саади публикуются часто.

Один из первых переводов Саади в 21 номере 1771 года в журнале «Трудолюбивый муравей»: советы умудрённого жизнью человека детям. Надлежит придерживаться правил общения – быть честным и приветливым. Трудолюбие и разумный образ жизни основа успеха и счастья: «не страшитесь трудов: для приобретения щастия надобно быть проворну, много осторожно и разуму;...».

Эти наставления необходимы и принуждают задуматься о смысле жизни, о добре и зле. Необходимо отметить, что подобные наставления являются общепринятыми в восточном фольклоре и литературе.

Эти наставления в полном объеме отражены в творчестве Саади. Ярком примером стала глава седьмая «О воспитании» «Буста́на», в которой поэт делится с читателями со своими мыслями о воспитании детей.

Определенного место в поучении занимает проблема государственного аппарата, чиновники и приближенные двора. Из наставления монарха об отношении к подчиненным и слугам: «Не подавай ни одному из служителей своих случая надеяться, что может тебя обмануть, или поступить несправедливо не быв узнан»

⁹ Подстрочный перевод доцента кафедры мировой литературы РТСУ А.С. Аминова

В произведениях Саади мы находим эти рассуждения. Из главы первой «О справедливости, мудрости и рассудительности» «Бустана»:

На должность мужа чести назначай,
Кормило власти нищим не вручай...
Коль на своем посту вазир не бдит,
Пусть наблюдатель твой за ним следит.

В назиданиях правитель рекомендует о содействии торговли, что приносит доход казне. «Пекись о том, чтоб дороги были в хорошем состоянии и безопасны. Покровительствуй купцам, и не ограничивай вольности торговли излишними законами. Они суть подпора твоего государства».

Это созвучно повествованию из «Бустана» Саади:

«...Беда стране, где властвует разбой,
Не будет прибыли стране такой...
Чтоб славу добрую завоевать,
Шах чужеземцев должен охранять».

Саади, познавшему самому гибельность военных противостояний государств, разрушения и смерти завоевательных походов, в произведениях предостерегает правителей от вреда войн.

Тема войн затрагивает и другой перевод. Журнал «Покоящийся трудолюбец» во 2 части опубликовал отрывок «Артабан или Истинный государев советник». Дарий I, персидский монарх пожелал объявить войну скифам. Но его брат Артабан предостерегает царя от безрассудного поступка: «Те, которые помышляют о великих предприятиях, должны прежде всего рассуждать, полезны ли они или вредны будут для государства?». Ставится вопрос: выгодна ли эта война, не ведет ли тщеславие государя к бедствию персов. Государь, заботящийся о своем государстве, стремится к миру, война – это человеческие смерти и разрушения.

Подведя итог сопоставлению, скажем, что не идет речь о дословном или подстрочном переводе стихотворных строк «Бустана» Саади. Переводчики не имели дело с оригиналом текста и переводили с европейского посредника. В «наставлениях» суммируются мысли и высказывания персидского классика по определенным вопросам.

Одна из причин привлекательности произведений Саади – общекультурный аспект восточной литературы. Первые переводы имели недостатки, были неполными, но они выполнили свою задачу – ознакомили с жизнью и бытом чужеземцев, были источниками информации о нравах и религии других народов, их характере и страстях.

Раздел третий «**Саади и басни И.А. Крылова (к вопросу об освоении и влиянии)**» посвящен рецепции Саади русским баснописцем. Басня древнейший жанр, тесно связанный с рассказами и народными сказками о животных и растениях, возник задолго до н.э. у народов древнего Востока. Жанр басни прочно опирается на традиции. Сюжеты и образы повторяются в произведениях авторов разных народов и времен. Но сюжет может приобретать национальный смысл и колорит. Это относится к И.А. Крылову, который заимствуя сюжеты, переделывает по-своему. Сюжеты басен Крылова часто восходят к античным и восточным авторам: Эзопу, Федру, к книге «Нравоучительные и политические басни Пильпая, философа Индийского» (переводу «Калилы и Димны»), к сюжетам французских баснописцев Лафонтена, де ла-Мотт и др. Национальный литературный процесс в своем развитии не может быть изолированным, он находится в тесной связи с другими, осваивая достижения других

культур и делясь своим опытом. Заимствуя и осваивая сюжеты, темы и идеи чужих культур, каждый автор делает этот процесс национальным, так как у каждой нации свой менталитет, своя манера понимания, т.е. своя индивидуальность. Нами проанализированы «Комментарии» к Басням Ж. Лафонтена: 20 сюжетов из восточной литературы (Локман, Бидпай, Саади Ширази). Сюжеты являются свидетельством литературных связей разных народов и культур. Басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» является переводом произведения Лафонтена «Цикада и Муравей», восходит к Эзопу и порицает лень, воспекает трудолюбие. Сюжет этот рассматривался в персидско-таджикской литературе и представлен как «Соловей и муравей». Саади в своем произведении говорит о бренности и смертности, о скоротечности бытия.

Другая басня Лафонтена «Петух и жемчужное зерно», в основе которого басня Федра, известна русскому читателю по переводу И.А. Крылова:

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно,
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь видно,
Да сытно».
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

Как видим из рассуждения Крылова, ценность человека или вещи может знать знающий человек. Саади в своих произведениях, рассматривая этот сюжет, дал две точки зрения. Первая близка к взгляду Федра: «Жемчуг останется драгоценным, хотя бы он упал в грязь, а пыль – презренна, хотя бы она вознеслась до небес». И иная трактовка при сохранении значимости события – нуждающемуся в воде и хлебе путнику ценность драгоценностей не имеет значения, он будет рад съестному. И уточним: во всех произведениях речь идет о найденном жемчуге.

И ярким примером этих связей является творчество Саади Ширази. В его «Бустане» и «Гулистане» осмысляются сюжеты предшественников (Эзопа, Федра, Локмана, Бидпая). В свою очередь творческий опыт Саади повлияет на его последователей.

Раздел четвертый «Своеобразие переводов произведений Саади Ширази Н.М. Карамзиным» посвящен освоению мотивов классика русским писателем. Явное влечение к литературе Востока проявляется в сборнике переводов Н.М. Карамзина «Пантеон иностранной словесности» (1798 г.). В нем прозаический пересказ, озаглавленный «Последние слова Козроэса-Парвиса (Хосров Парвиз) сказанные им сыну своему». Карамзин сам указал на источник цитаты – «Персидскую книгу «Бастон»¹⁰, сочинённую поэтом Саади».

В этой главе «Бустона» Саади призывает правителей быть рассудительными, мудрыми и справедливыми.

«Покинь чертоги мира и покоя,
Взгляни, мой сын, на бедствие людское!

¹⁰ Правописание Н.М. Карамзина.

Как можешь ты довольным быть судьбой,
Несчастных сонмы видя пред собою?
Иди пекись о нищих, бедняках,
Заботься о народе, мудрый шах!».

Любовь к добру, страх перед злом, путь добра и правды, праведное правление, добрый нрав государя, забота о крестьянах и батраках, соблюдение закона – есть благополучие страны и народа, пишет Саади.

В изложении Н.М. Карамзина строки Саади звучат следующим образом: «Счастье твое (правитель, царь) должно состоять единственно в счастье твоих подданных. Первая добродетель для монарха - есть *справедливость*... Ты (царь) не будешь в изобилии, тогда подданные твои в недостатке».

В «Бустане» Саади говорится, что государю следует быть нетерпеливым к злу и несправедливости, готовым вынести строгий приговор, наказать грешника и нарушителя порядка:

Казни судей, в неправде закоснелых,
Трави, как хищников заматерелых,
Бесчинствам *волка* положи конец,
От истребления огради *овец* [11, с. 58].

В прозаическом переводе Н.М. Карамзина: «...Избавляя общество от худых людей, способствуешь общему благу; излишнее к ним снисхождение может быть вредно. Надобно отрубить голову *волку*, чтобы он не умерщвил *агнцев*...». Слова Саади Н.М. Карамзин передал в заключение произведения: «Трудные работы поселян имеют нужду в одобрении; изобилие и мир на них основаны».

Необходимо отметить, что Карамзин не опирается на оригинал текста Саади. Он вслед за европейским ориенталистом-переводчиком перевел в прозаической свободной форме бейты персидско-таджикского классика. Они (переводчики) суммировали мысли Саади и изложили в краткой форме как наставление будущему государю умение править государством.

Раздел пятый «А.С. Грибоедов и Саади: к вопросу рецепции персидско-таджикской литературы русскими писателями» связан с осмыслением духовного опыта персидско-таджикской литературы русским драматургом.

Библиотека А.С. Грибоедова представляла широкой круг интересов (философия, государственное устройство, политика, культура), но даже беглый взгляд подтверждает интерес к литературе и истории Востока. Свои знания восточной литературы, и, безусловно, персидско-таджикской классики, пополнял у знатоков – поэтов и ученых. Восточные сказки прельщали внимание русского читателя, и в путевых записях Грибоедова упоминается «Тысяча и одна ночь». Знание Корана и персидской мифологии продемонстрирует упоминания падших ангелов и образ Пери.

В Путевых заметках «Эриванского похода» встречаются строки, навеянные восточной классикой. Мысли о философском восприятии бытия: «Лишение надежды есть тоже покой». Мотив «соловья и розы» персидско-таджикской литературы привлекут внимание писателя: «Роза расцвела в роще, с её появлением все цветы получили новую жизнь». Если обратить внимание на персидско-таджикскую классику, то в записях Грибоедова можно заметить имена Низами, указание на «Шахнаме» Фирдоуси, а в комедии «Горе от ума» интерпретацию строк Саади.

Для раскрытия образа Молчалина Грибоедов обратился к «Гулистану» Саади. Жизненная позиция Александра Степановича Молчалина раскрывается в строках:

Мне завещал отец

Во-первых, угождать всем людям без изъятья:

Хозяину, где доведется жить,

Начальнику, с кем буду я служить,

Слуге его, который чистит платья,

Швейцару, дворнику, для избежания зла,

Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Человек маленького чина вынужден угождать всем: хозяину, начальнику, его слугам, дворнику и даже дворовой собаке, чтобы избежать зла.

Обратимся к строкам персидско-таджикского классика в оригинале:

Дари миру вазиру султонро

Бе василат магард пироман.

Сагу дарбон чу ёфтанд ғариб,

Ин гиребон-ш гирад, он доман.

В переводе Р. Алиева и А. Старостина:

Коль дела нет к султану, к эмиру и к визирю,

Тогда держись подальше, о друг, от их ворот.

Собака и привратник увидят чужого –

Та – за полу ухватит, а за ворот тот.

Отдельного разговора заслуживает незавершенная поэма «Кальянчи». Повествование об отроке, который путнику в Ширазе подает кальян и рассказывает о себе, своих злоключениях и своем пленении. Его образ связан с традиционным представлением о порождении Эдема:

В каком раю ты, стройный, насажден?

Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?

Скажи: или от Пери ты рожден,

Иль благодатным Джиннием взлелеян?.

В поэме Грибоедова молодость и красота вызывает любовь окружающих:

Когда ж чарующей наружностью своей

Собрание ты осветишь людей –

Во всех любовь!...

Эти строки связаны с мыслью Саади о скоротечности жизни, о встрече умудренной жизнью старости и прекрасной молодости: И я с тоскою на молодость взираю, И жизнь утраченную вспоминаю

В поэме Грибоедова дервиш, загляделся на походку отрока и позабылся, отбросил четки, и радость появилась на сумрачном лице, огонь загорелся в нем, и сгладились морщины на его лице: «И заиграла жизнь на бывшем мертвеце». И прекрасный юноша – невольник, стал хозяином жизни, поскольку красота и молодость не имеет властителя, не подчиняются мирским порядкам.

В описании отрока-кальянщика Грибоедов использует традиционные образы персидско-таджикской классики: стыдливый румянец и кудри кольцами, душа в плену локонов, невинные и миловидные уста, легкость джейрана и стан пальмовидный.

Все вышеизложенное свидетельствует о широком круге интересов А.С. Грибоедова, как писателя и государственного деятеля. И Восток, в том числе Персия (Иран), его культура и мифология, неотъемлемая часть его знаний. Классики персидской литературы (Фирдоуси, Саади) привлекали его внимание.

Глава вторая «**Саади Ширази и русская литература: проблема перевода**», состоящая из 5 разделов, посвящена рассмотрению проблем переводоведения. Первое

знакомство читателей с достижением чужеземной литературы является перевод, одновременно это первоначальный этап литературных связей. Эти взаимосвязи способствуют поиску общекультурных черт, с другой стороны – осознанию национальной неповторимости и индивидуальности через сопоставления и сравнения. Основная задача перевода знакомство с культурными достижениями чужих народов, обогащение родной литературы и служение интересам своего государства.

Первые опыты знакомства с иностранной литературой явились вольными переводами: они пронизаны национальным духом и колоритом, действия переносились в известные читателю географические местности, используется знакомая терминология.

Следует выделить два типа перевода. Дословный перевод, который не изменяет оригинал, и вольный перевод, которому свойственны изменения соответственные местным условиям. При переводе чужая жизнь выражается через чужой характер, чужие нравы и обычаи, картины жизни даются правдиво и без изменений. В «переделанном» произведении чужие образы и чужая жизнь преобразуется в картину нашей жизни, в нем больше самостоятельного творчества.

Возникает необходимость адекватного перевода: передать смысловое содержание оригинала, эмоциональную выразительность и словесно-структурное оформление подлинника. И для этого переводчику необходимо изучить язык другого народа, мыслить как автор произведения, узнать и полюбить другой народ, разделять его нравы и обычаями. Но при этом не терять связи с родным языком и народом, и трудиться во благо своего народа.

Развитие переводоведения привело к осознанию решения проблемы: необходимость филологического перевода, который нацелен на передачу фактической информации подлинника и сопровождается обширными комментариями.

Раздел 2.1. **«Проблемы перевода отдельных произведений и отрывков Саади Ширази»** связан с опосредственными переводами Саади на русский язык. Чаще всего переводятся отрывки из произведений или отдельные строки. Это связано с соответствием взглядов, назидательным мотивам Саади.

Мы обратились к сборнику «Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-русский».

Сразу заметно, что перевод восточной классики осуществлялся через европейский посредник. К каждому произведению указывается автора или источник – Анвар Сухайли (Anvari Soheili), Саади Ширази (Saadi dans le Gulistan, Saadi dans le Boustan), Аттар (Ferid eddin Attar, dans le colloque des Oiseaux), Руми (Djelal eddin Roumi), или дается примечание европейского ориенталиста (к примеру – Сильвестра де Сасси).

Внимательно изучая переводы произведений Саади, мы выделили вторую особенность переводов. Отрывки произведений из «Бустана» и «Гулистана» представлены европейским читателям в разных жанрах. Мы видим, что в сборнике «Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-

русский» строки из «Бустана» Саади озаглавлены – совет¹¹, аполог¹², басня¹³, нравоучение¹⁴. Строки из «Гулистана» представлены читателям как анекдот¹⁵ и размышления¹⁶. И это связано с нравоучительными и воспитательными мотивами творчества Саади Ширази.

Анекдот, как жанр предполагает юмор или сатиру (смех). В анекдоте высмеивали человеческие пороки и недостатки (глупость, необразованность, жадность). Переводчики в форме анекдота представили седьмой рассказ главы шестой «О старости и слабости» и двенадцатый рассказ главы третьей «О преимуществе довольства малым». Необходимо указать, что оба рассказа оригинала представлены прозаическим повествованием, который завершается нравоучением в стихотворной форме. Русский читатель же знакомится со стихотворным переводом.

«Анекдот: Сребролюбивый масульманин» сохраняет содержание оригинала, но имеет ряд отличий, что показывает сравнение оригинала и перевод. Само название перевода – «Сребролюбивый мусульманин» – раскрывает тему: насмешка над человеком, который свою жадность прикрывает верой. Это видно и во вступительной части анекдота.

У богача болел сын, и отцу посоветовали: надо читать Коран над больным или принести жертву «для умоления небес». Богач недолго думая изрек: стада далеки, Коран – «больных отрада» – близок, пусть его хоть весь прочтут. Некий мудрец изрек:

Скупому Алкорана чтение
Не стоит верно ничего.
Готова книга, кто не спросит,
Ее на языке он носит,
А злато в сердце у него».

И как видно, переводчик оригинала пропустил стихотворное заключение рассказа Саади Ширази. Оно и выражает суть, но переводчик акцентировал внимание не на мистическое содержание, а на внешние атрибуты веры.

Исламские мотивы в творчестве Саади Ширази не обойдены вниманием переводчика сборника «Баснописец переводчик, или Стихотворным слогом перевод избранных басней, сказок, повестей, советов и полезных анекдотов с иностранных диалектов на славяно-русский» и привлекли идеей благодарности и признательности богу.

Текст перевода «Мысли. Все твари славят бога» сохранил смысл оригинала:

«Верховно существо
Поет все естество.
Тот истину сию на деле разумеет,
Кто уши у себя во всей груди имеет.
Один-ли соловей
Поет Царя царей,
На розовом кусту? И каждый терн колючий
Есть нежности язык, Всещедраго поющий...».

¹¹ «Совет: Доволен будь своей судьбою», «Совет: Будь благодетель сирым», «Совет: Благовтори другим при животе своем», «Совет: Пока ты жив, спеши на добрыя дела», «Совет: благовтори по силам».

¹² «Аполог: Благодеяний сила»,

¹³ «Басня: Отец сребролюбивый и сын его ленивый»,

¹⁴ «Нравоучение: Что доброе в тебе, все к богу отнеси».

¹⁵ «Анекдот: Сребролюбивый масульманин», «Анекдот: Благовтори с лицом веселым»,

¹⁶ «Мысли: Все твари славят бога».

Сопоставление показывает расхождение оригинала и текста. Оригинал рассказа второй главы «О нравах дервишей» «Гулистана» предстает перед читателем размышлением о восхвалении божественной сущности вселенной, о покаянии и восхвалении бога – «Мысли. Все твари славят бога». В оригинале прозаическое повествование о путешествии паломников, о конфликте, история о песне мальчика и верблюде, арабский текст с персидским переводом. Это переводчик пропустил. Его внимание привлекло стихотворное заключение рассказа. В оригинале («Гулистон» боби дуюм «Дар ахлоки дарвешон»):

«Ба зикраш ҳарчи бинӣ, дар хурӯш аст,
Диле донад дар ин маънӣ, ки гӯш аст,
На булбул бар гулаш тасбеҳхонест,
Ки ҳар хоре ба тасбеҳаш забонест».

В подстрочном переводе (перевод А. Аминова):

Всё, что видишь, произнеси имя его, предстает в блеске,
Сердце во всем этом видит смысл, если способно слышать.
Ведь соловей своей розе в любви объясняется четками,
Потому каждый шип розы – это язык в ее четках.

Укажем, что опять же переводчику оказалось недоступен смысл оригинала.

Сохранение дидактизма произведений Саади Ширази проявилось и в ряде названий других переводов: «Совет: Доволен будь своей судьбою», «Совет: Будь благодетель сирым», «Совет: Благодвори другим при животе своем», «Совет: Пока ты жив, спеш на добрые дела», «Совет: благодвори по силам». Выяснить проблему перевода персидско-таджикской классики на русский язык поможет сравнение оригинала Саади («Бустон» боби 2 «Дар эҳсон») и перевода Алексея Нарцева «Совет: Будь благодетель сирым».

Русскому писателю импонируют дидактизм и нравоучения восточного поэта, призывы персидско-таджикского классика довольствоваться малым, оказывать помощь ближнему, совершать добрые поступки, покровительствовать сиротам и обездоленным.

Раздел второй **2.2. «Специфика вольного перевода на примере произведений Саади»** связан с проблемами вольного перевода Саади на русский язык. Художественный перевод является основной формой литературных взаимосвязей. И способствует обогащению собственной литературы сюжетами и образами, темами и идеями, жанрами и языковыми средствами. Помогает становлению самосознания и развитию национальной литературы.

Вольный перевод позволяет воспроизвести основное содержание произведения с возможными изменениями. Изменения могут быть связаны с разными причинами: несоответствие реалий, отсутствие определенного обозначения явления или соответствующего элемента быта, разные нравы или обычаи. Большую роль играют особенности языка, символика и обороты речи. В переводоведении встречаются случаи, не укладывающиеся в привычные представления о переводе.

Таким примером является стихотворение М. Деборд-Вальмор «Розы Саади». Необходимо отметить, что в «Гулистане» Саади мы при беглом просмотре нашли подобный текст (поиски ключевых слов, схожего сюжета), и в названии стихотворения имеем указание на цветник персидско-таджикского поэта («Розы Саади»). И очень близкое содержание, но иное толкование характерно предлагаемому отрывку из «Гулистана» Саади «Во имя Бога милостливого и милосердного».

Обратим внимание на несколько моментов. Марселина Деборд-Вальмор упускает, что в оригинале диалог, в котором говорится о причине написания «Гулистана». Она, как поэт, собирала розы, но развеяны ветром цветы (сохранен «осенний ветер» из оригинала). «Унылую осень» французский романтик представила волнами моря, воду которой розы окрасили в огнисто-алый цвет. И если персидско-таджикский классик, исходя из кратковременности жизни и недолговечности свежести и красоты розы, решил написать книгу «Сада роз», то поэтесса-француженка сохранила сладость запаха в памяти и предлагает возлюбленному: «Дышать их памятью приди ко мне на грудь».

И Марселина Деборд-Вальмор, ознакомленная с произведениями Саади Ширази на французском языке, написала свое стихотворение «Розы Саади», по-своему обыграв ситуацию и внося свое видение. Разумеется, имея дело с французским переводом, она далеко отошла от персидской поэтической лексики и образности, ритма и рифмовки.

Необходимо отметить, что вольный перевод соответствовал определенному моменту развития востоковедения. Первые переводы соответствовали представлениям о чужих мирах и нравах. Но постепенное развитие ориенталистики улучшают качество перевода. Такие переводы более полно соответствовали содержанию оригинала и способствовали обогащению родной литературы.

Подобного рода вольный перевод представляет стихотворение «Оправдание» Константина Фофанова. Это вольный перевод Рассказа 20 главы пятой «О любви и молодости» «Гулистана» Саади. Часть рассказа была пропущена переводчиком. Обратим внимание, что произведение Саади представлено прозой и стихотворными вставками, а К. Фофанов сделал стихотворный перевод. Переводчик вводит изменение: пропустил часть начала и концовку рассказа. Его внимание привлекли два момента: первый – это судья с возлюбленной и вином; второй момент: по исламским преданиям – пока солнце восходит с востока, всевышний позволяет покаяться грешникам и получить прощения.

Переводчик увидел мотив покаяния и прощения грехов, что позволяет говорить об общности нравственных ценностей и моральных представлений, о некоем единстве религиозных взглядов (мусульманских и христианских). И поэтому переводчик не включил ряд эпизодов из оригинала рассказа и акцентировал внимание на изречении пророка о покаянии.

Можно констатировать, что переводчик обращается к вольному переводу в соответствии с целью и задачей работы. Восточный материал может быть выбран в соответствии с эстетическими взглядами. И поэтому ситуация может получить иную трактовку.

Что говорит о закономерности существования вольного перевода. А насколько были удачны эти отклонения, соответствуют ли духу и форме оригинала – это поле изучения вопросов переводоведения, становления новых взглядов и улучшения качества работ.

Раздел 2.3. «Своеобразие художественных переводов «Гулистана» И. Холмогорова и С. Назарианца» связан с рассмотрением первых художественных переводов произведений Саади на русский язык.

«Гулистан» привлекал внимание русских ученых-ориенталистов. В XIX веке интерес к восточной литературе возрос, вследствие чего появились новые переводы «Гулистана» Саади. Наиболее полными из всех опубликованных в XIX в. являются переводы С. Назарианца, К. Ламброса и И. Холмогорова Лучшим, с точки зрения

большей точности и хорошего стиля, считается перевод Холмогорова. Но в тоже время перевод И. Холмогорова имеет серьезные недостатки. Холмогоров пытался дать перевод в соответствии со вкусами русского читателя и пропустил отрывки, которые противоречили представлениям о нравственности. Переводчик работал со стамбульским изданием, в котором было много неточностей и искажений, что и отразилось в переводе.

В комментариях к «Розовому кустарнику» С. Назарианц отметил: поэт поделился с читателями искусством жить, быть довольным, умением общаться с людьми различного звания (от дервишей до царей); указал на блаженство любви и на ошибки людей под влиянием страстей, рассказал о радостях и бедствиях семейной жизни; ознакомил с правилами воспитания детей. В заключение книги даны наставления. В комментариях к своему переводу Гулистана С. Назарианц указал и форму произведения: прозаический текст чередуется со стихотворными отрывками. «Наружные формы Гулистана представляют изложение, в котором, попеременно, следует просто-естественная проза, художественное сочетание слов посредством параллелизма и рифмы и поэтические отрывки различных размеров».

Но при этом сам переводчик не следует ритмизованной прозе персидского классика. Гулистан в подаче С. Назарианца представляет собой прозаический текст, прозаическим текстом перевел содержание произведения Саади И. Холмогорова.

Обратимся к тексту «Розового кустарника шейха Муслехеддин Саади Ширазского славного под названием Гулистана» и «Гюлистан (Цветник роз). Творение шейха Саади Ширази», и определим особенности переводов.

Внимательное сопоставление переводов С. Назарианца и И. Холмогорова с текстом оригинала показали изменения при переводе. Так, у С. Назарианца мы видим перевод только в прозаической форме. В главах переводчик ввел нумерацию. Мог рассказ разделить при переводе на две отдельные части. К примеру, прозаический рассказ 49 и 50 из главы седьмой о вопросах воспитания в оригинале представляет собой один текст – вначале прозаическое повествование, потом две стихотворные строчки.

В переводе И. Холмогорова текст представлен прозаическим повествованием, но он есть указание «Стихи» (на стихотворные части в оригинале). Глава четвертая в оригинале состоит из четырнадцати рассказов, у Холмогорова из тринадцати. Встречаются нарушения в последовательности рассказов: так в оригинале восьмой главы пятый рассказ в переводе Холмогорова стал вторым; второй рассказ является в оригинале – шестым.

Рассмотрим Главу вторую «О нравах дервишей» первый рассказ. Оригинальные строки Саади («Боби дуюм. Дар ахлоки дарвешон»). При переводе С. Назарианц не обратил внимание на значение слов; смысл ответа при переводе сохранен. Следует отметить, что неправильная передача значения ряда существительных привела к искажению смысла при переводе С. Назарианца.

При переводе И. Холмогорова сталкиваемся с неправильной передачей смысла слов; стихотворная часть Саади обозначена, но дана в прозе. Особенность перевода Холмогорова упор на представления русского читателя. Художественному переводу Р. Алиева и А. Старостина характерны те же недочеты: при переводе следовало обратить внимание на нюансы.

Следующий пример – переводы кратких изречений из восьмой главы «Гулистана». Обратимся к переводу «Гюлистана (Цветника роз)» И. Холмогорова:

«Рассказ 2. Двое предпринимали тщетный труд и бесполезные усилия: во-первых тот, кто приобрел и не пользуется приобретением, во-вторых тот, кто выучился и не прилагает своих знаний к практике»

Стих.

Сколько-бы ты ни изучал науки, но когда не применяешь их к делу, ты – невежда. Четвероногое, на котором навьючено несколько книг, не будет мудрецом, ни ученым – да и может-ли знать пустомозглый зверь, что лежит на нем: дрова или книги?».

И. Холмогоров постарался сохранить значения и по мере возможности быть близким к оригиналу. В подстрочном переводе «понапрасно обрели себя на страдания и без пользы старались», у Холмогорова «предпринимали тщетный труд и бесполезные усилия». Стихотворная часть Саади при переводе обозначена, но дана в прозаической форме. Холмогоров старается сохранить близость к смыслу строк оригинала.

Для завершения сопоставления предложим художественный перевод в исполнении Р. Алиева и А. Старостина из Главы восьмой «О правилах общения. На наш взгляд, переводчики допустили вольный подход. Вторая строка в подстрочном переводе «Нет от того пользы, если не применяешь их в жизни», Р. Алиев и А. Старостин перевели «Коль не приложишь их, то будешь неуч, друг...». Третья строка: «Не будет исследователем и ученым» не имеет значение «Осел не будет ничему научен» и упоминания осла в строках оригинала нет.

Для определения особенности перевода кратких изречений С. Назарианца «Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского славный под названием Гулистана» сопоставим с оригинальными строками

Краткие изречения в «Розовом кустарнике шейха Муслехеддин Саади Ширазского...» в переводе С. Назарианца:

«49. Забавное слово. Бездарные люди не могут смотреть на даровитых, равно как собаки на площади, видя охотничьего пса, поднимают лай и шум, но подойти не смеют. Естественно, что немощный завистник ищет темных уголков, ибо наяву онемевает у него язык.

50. Предостережение. Когда подлец внутренним достоинством не в силах победить кого, злобно нападает на личность».

Бросается в глаза разделение рассказа оригинала на две части. В переводе С. Назарианца рассказы пронумерованы и озаглавлены.

Первое предложение сохраняется в подстрочном переводе (бездарные и талантливые, базарные и охотничьи собаки) и у Назарианца (бездарные люди и даровитые, собаки на площади и охотничий пес).

Второе предложение в подстрочнике: «...есть те, кто не превосходит других в мастерстве, лезут с упреками даже в его кожу». То есть, завистник для упрека достойных людей в поисках недостатков лезет даже в кожу. В переводе Назарианца имеет совсем другое звучание: «естественно, что немощный завистник ищет темных уголков, ибо наяву онемевает у него язык». Завистник в лицо ничего не может сказать. Что очень далеко от значения оригинала.

Стихотворная часть подстрочного перевода близко по содержанию к прозаической части: перед клеветой бездарного завистника немеет язык правды.

Но «Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского славный под названием Гулистана» представил в прозе иную подачу материала: «Когда подлец

внутренним достоинством не в силах победить кого, злобно нападает на личность». Что опять же далеко от смысла оригинала.

Результаты сопоставления оригинальных строк (через подстрочный перевод) с переводами И. Холмогорова, С. Назарианца, Р. Алиева и А. Старостина свидетельствует о множественности переводов. Разночтения связаны с толкованиями слов (выбор одного из значений), с подбором аналогии к таджикскому афоризму русского выражения.

Следует отметить, что переводческая деятельность в своем развитии прошла долгий путь. От прозаической передачи содержания лирических строк к художественному переводу. Но нет предела совершенству, и, следовательно, необходима дальнейшая работа по улучшению качества переводов. В современном переводоведении рассматриваются вопросы филологического перевода, нацеленного на передачу тонкостей и глубину значения и смысла текста оригинала. Когда переводчик вживается в образ автора, сочувствует и сопереживает ему и передаёт это словами и образами на своём родном языке.

Раздел 2.4. **«Проблемы вариативности перевода на примере газели Саади Ширази «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад...»** рассматривает проблему вариативности перевода.

Саади Ширази известен среди широкого круга почитателей мировой классики переводами на многие языки мира «Гулистана», «Бустана» и газелей и благодаря трудам востоковедов. Самой знаменитой газелью Ширазского соловья, как называют Саади, считается «Караван», который читают наизусть, поют как в традиционной, так и в «эстрадной» манере. Напомним первый бейт газели: «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад, В-он дил, ки бо худ доштам, бо дилситонам меравад» и перевод К. Липскерова: «О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон уходит. Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон уходит». Или вариант Темура Варки: «Эй, караванщик, не спеши! То мой покой уходит. Та, в ком не чаял я души, моей душой уходит».

Н.Ю. Чалисова отмечает, что газель известна в разных версиях (от восьми до тринадцати бейтов) и дает подстрочный перевод. Российский востоковед пишет, что газель написана арабским метром раджаз, который имитирует, по преданию, плавную поступь верблюда, «каждая рифмующаяся строка снабжена после рифмы редифом миравад, передающим разные оттенки значения глагола «уходит»¹⁷ и подчеркивающим «пограничный» характер всех описываемых событий и переживаний лирического героя». Содержание подстрочного перевода довольно простое и ясное: лирический герой, расстающийся с любимой, увозимой караваном, страдает, а та удаляясь, уносит с собой его душу. Мотив, традиционный в любовной лирике и знакомый читателю. Однако много требует уточнения и пояснения. Пояснения позволяют прочувствовать газель и понять почему «вот уже семь веков поет об этом иранский мир».

«Караван» – это пример любовной газели, и внутри текстовые связи основываются на богатой традиции персидско-таджикской классики. К XIII в. сложились образные каноны, которые предписывали возлюбленной быть румяной (как огонь, тюльпан или рубин), белокожей, как серебро и камфара, круглолицей, как полная луна. «Ее стан уподоблялся кипарису, локоны – цепям, а ресницы – пронзающим стрелам. Она изящная, но злонравная, цветущая, но с каменным

¹⁷ Уходит, доходят, выходит, сходят.

сердцем, обладающая свойством «впечатываться в сердца», немилосердная и покровительствующая скорби». Она прекрасна, но и жестока.

Герой газелей характеризуется определенными и противоположными признаками – отдавший сердце, согбенный, рыдающий, потерявший рассудок, с сердцем раненым, обливающимся кровью, плененным локонами, заблудившимся, с телом, покинутым душой. Эти перечисления показывают, что образы газели Саади «Караван» связаны с репертуаром мотивов любовных газелей.

В работе Чалисовой главная задача возможность продемонстрировать образно-семантическую перспективу газели. Прочтение стихотворения становится «поиск богатейшей палитры смыслов.

Подстрочник Н.Ю. Чалисовой газели Саади Ширази «Эй, сорбон охиста рон, к-ороми чонам меравад» решили сопоставить с переводами К. Липскерова и Темура Варки. Можно увидеть расхождения при переводе и передачи смыслового содержания, хотя можно заметить следование общего плана газели Саади. Подобные сопоставления интересны с точки зрения изучения проблем вариативности перевода и можно было бы рассмотреть работы Ц. Бону. Но мы решили остановиться на художественном переводе Темура Варки, сделанного с оригинала (который явился основой перевода Дмитриевой С.) и рассмотреть возможные образно-смысловые оттенки. Сопоставление с подстрочным переводом Чалисовой показывает сохранение редифа «меравад» – уходит. Т. Варки оставил и фразу «покой уходит», но «плененное сердце» заменил на чаяние души. Осмелимся сказать, что Варки в погоне за художественностью, упустил важный ключевой оборот «то сердце, что в себе носил, с похитившей его уходит». В художественном переводе Варки изменение звучание предложения, часть содержания подстрочного пропущена, но введены другое содержание и игра слов.

Как становится очевидным, при художественном переводе персидско-таджикской поэзии на русский язык наблюдаются вариации одного и того же произведения. Причин этого явления много. Первая причина обусловлена подготовленностью переводчика и его субъективный выбор аналогий на русском языке. Вторая причина связана с уровнем соответствия подстрочного перевода оригиналу, на основе которого делался художественный перевод (опять же сказывается роль переводчика).

Отметим, что переводчики придерживались ряда позиций. Ориентирование на передающую культуру, что подразумевает обогащение принимающей стороны персидским содержанием и способами выражения. Ориентация на принимающую культуру – это перевод текста восточного мира как сейчас, осовременивание текста.

Переводчик переводит так, чтоб перевод звучал так как будто оригинал написан здесь и сейчас. Сравнения продемонстрировали смысловую девиацию (наращивание и добавление смысла или сокращение).

Раздел 2.5. «Особенности сохранения ритмизованной прозы и стихотворного размера персидско-таджикской литературы при переводах на русский язык (на примере «Бустана» и «Гулистана» Саади Ширази)» связан с вопросом особенности сохранения ритмизованной прозы и стихотворного размера персидско-таджикской литературы. Это обстоятельство подтолкнуло рассмотреть данную проблему на материале «Бустана» и «Гулистана» Саади Ширази.

Садж – обозначает применение в конце отдельных предложений или словосочетаний таких слов, которые полностью или несколькими буквами и слогами являются одинаковыми по форме и звучанию. В этом смысле садж имеет сходство с

рифмой, но отличие состоит все же в том, что рифма используется в поэзии, а саж – в прозе. Насри мусаччаъ (благозвучная проза) – проза, в которой есть благозвучие, то есть его отдельные части и предложения связаны между собой с помощью определённой мелодики, ударения и рифмы.

Для выяснения степени сохранения рифмованной прозы рассмотрим¹⁸ варианты переводов «Гулистана». При переводе К. Липскеров сохранил смысловое значение оригинала, но не передал благозвучие рифмованной прозы. В своем варианте подстрочного перевода мы попытались сохранить особенности ритмизированного прозаического текста оригинала. В переводе Р. Алиева и А. Старостина отсутствует применение слов близких по звучанию. Но если присмотреться к тексту, то легко можно увидеть возможность приблизиться к рифмовке прозаического текста.

Эти сравнения показывают существование ряда проблем при переводе благозвучной (рифмованной) прозы персидско-таджикской классики на русский язык. Во-первых, при передаче смыслового содержания могут быть упущены особенности рифмованной прозы. Во-вторых, при переводе на русский язык не всегда можно подобрать и применить одинаковые по форме и звучанию слова, что приведет к упущению переводчиками музыкальности предложения и внутренней рифмы, что характерно для стиля многих рассказов Саади

Сопоставление переводов показало, что Р. Алиев и А. Старостин стараются соблюдать особенности рифмованной прозы и у них, с некоторой натяжкой можно сказать, более близкая проза в этом отношении к оригиналу, чем у Е. Бертельса.

Если рассматривать стихотворный текст, то следует остановиться на основном размере персидско-таджикской поэзии – аруз. Лексическое значение слова «аруз» берет начало в арабском языке и выражает значение «арз кардан» – заявлять, излагать. Эту поэтическую метрику называют аруз по той причине, что с её помощью излагается, то есть пишется стихотворение, что способствует отличию стройного (размеренного) слова от нестройного. Аруз имеет особые правила, посредством которых в нем излагаются различные метры, количество которых превышает сотню.

Сопоставим оригинальные строки Саади и переводы с точки зрения сохранения ритмико-интонационного строя аруза. Саади Ширази, придерживаясь традиций персидско-таджикского стихосложения, остановился на 3 ритмах и размере маъзуф. Возможности сохранения персидско-таджикского стихотворного размера аруз при переводе произведений Саади на русский язык и создания перевода через силлабо-тоническое стихосложение: из «Бустана» Саади глава седьмая «О воспитании» в переводе А. Старостина - выбран 5 стопный ямб, осложненный пиррихием. Эти же строки Саади в переводе В. Державина - строки Саади представлены 5 стопным ямбом осложненный пиррихием. Это позволяет нам прийти к выводу, что сохранение ритмики персидско-таджикского аруза в метрике маъфуз наиболее ближе с использованием именно 5 стопного ямба, осложненного пиррихием.

В Заключении диссертации подведены итоги:

Персидско-таджикская литература и фольклор стали неотъемлемой частью русского литературного процесса. Первому знакомству с произведениями персидско-таджикской литературы русские читатели обязаны западноевропейским

¹⁸ Консультация и перевод таджикского текста – доцент кафедры мировой литературы РТСУ Аминов А.С. и доцент кафедры Таджикского языка РТСУ Раджабова Р.Р.

ориенталистам. Затем освоение восточной литературы, благодаря политическому и культурному интересу – зарождению научного востоковедения и переводческих школ, усиливается: изучаются восточные культуры и литература, осуществляется прямой перевод (переложение творений классиков Востока на русский непосредственно с восточных языков). Ярким примером русско-таджикских литературных связей является рецепция произведений Саади русским литературным процессом.

Европейские ориенталисты А. де Рие, А. Олеарий (Ойшлегер), Г. Гентиус, Б. д'Эрбело, А. Журден, И.В. Гете обратили внимание на творчество Саади. Эти труды были известны русским читателям и любителям восточной словесности. В России одно из первых упоминаний произведений Саади датируется концом XVII века. В журналах XVIII века произведения Саади публикуются часто. В периодике XIX века восточная тема будет продолжена. Творчество Саади не обошли вниманием и русские писатели XVIII века, нравоучение и дидактизм произведений Саади отразились в русской «восточной» повести XVIII-XIX веков, в XIX веке Саади обогатил творческую мастерскую многих писателей, что будет характерно и литературе XX века.

Примером вклада Саади Ширази в сокровищницу цивилизаций являются басни И.А. Крылова. Сюжеты басен Крылова часто восходят к античным и восточным авторам: Эзопу, Федру, к сюжетам Саади и Лафонтена. В баснях Жана де Лафонтена более 20 сюжетов из восточной литературы (Локман Хаким, Бидпай, Саади Ширази). Лафонтен, обращаясь к персидско-таджикской классике, черпал сюжеты и темы. Французский баснописец опосредственно привнес в творчество последователей крупинки достижений персидско-таджикской классики. Говоря иначе, он стал своеобразным проводником для других писателей, в том числе И.А. Крылову, в сокровищницу персидско-таджикской литературы.

Карамзин вслед за европейским ориенталистом-переводчиком перевел в прозаической свободной форме бейты персидско-таджикского классика. Они (переводчики) суммировали мысли Саади и изложили в краткой форме как наставление будущему государю умение править государством. Для Карамзина первостепенное значение имело идеологическое значение строк Саади, возможность использовать восточный текст для пропаганды идей Просветительства.

Библиотека А.С. Грибоедова подтверждает интерес к литературе и истории Востока. Свои знания восточной литературы, и, безусловно, персидско-таджикской классики, пополнял у знатоков – поэтов и ученых. Восточные сказки прельщали внимание русского читателя, и в путевых записях Грибоедова упоминается «Тысяча и одна ночь»; знание Корана и персидской мифологии продемонстрировали письма. В путевых заметках встречаются строки, навеянные восточной классикой. Если обратить внимание на персидско-таджикскую классику, то в записях Грибоедова можно заметить имена Низами, указание на «Шахнаме» Фирдоуси, а в комедии «Горе от ума» интерпретацию строк Саади.

Большую роль в изучении и освоении восточного материала сыграло научное востоковедение и переводоведение (практическая сторона ориентализма). Говоря о проблемах перевода необходимо отметить ряд вопросов.

Первоначальным этапом литературных связей является подстрочный перевод. Перевод чаще не соответствовал в полном объеме оригиналу, переводчики вносили изменения в соответствии со вкусами читателя или согласно своим эстетическим или политическим взглядам. С развитием востоковедения изменяются требования к

переводу, и от «переделок» (переложений) переводчики переходят к адекватному художественному переводу.

Внимательно изучая переводы произведений Саади, мы выделили вторую особенность переводов. Отрывки произведений из «Бустана» и «Гулистана» представлены европейским читателям в разных жанрах. Переводы из восточной литературы, в частности из произведений Саади Ширази были представлены русскому читателю как басня, аполог, повесть, притча, повестью, сказаниями, сказками. Строки из «Гулистана» представлены читателям как анекдот и размышления. И это связано с нравоучительными и воспитательными мотивами творчества Саади Ширази. Можно констатировать, что ориентальная литература и переводы из восточных литератур способствовали сближению культур. Правила жизни мусульман, определенные нормы поведения обогатят знания европейцев о Восточных народах, будут понятны и близки читателю.

Говоря о специфике вольного перевода на примере произведений Саади, необходимо акцентировать внимание на сложность перевода поэтического текста – при поэтическом переводе невозможны языковые и метрические соответствия. Что говорит о закономерности существования вольного перевода. Существует ряд проблем при переводе благозвучной (рифмованной) прозы персидско-таджикской классики на русский язык: при передаче смыслового содержания могут быть упущены особенности рифмованной прозы; при переводе не всегда можно подобрать и применить одинаковые по форме и звучанию слова, что приведет к упущению переводчиками музыкальности предложения и внутренней рифмы, что характерно для стиля многих рассказов Саади.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ АВТОРА В ИЗДАНИЯХ, ВОШЕДШИХ В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ:

1. Рахмонова, Н.Р. Саади Ширази в оценке европейских ориенталистов / Н.Р. Рахмонова // Вестник Педуниверситета им. С. Айни. – Душанбе. – № 4 (81). – 2019. – Стр. 123-126.

2. Рахмонова, Н.Р. Ум и дела твои бессмертны...» (А.С. Грибоедов и персидско-таджикская литература) / Н.Р. Рахмонова // Вестник Таджикского национального университета, Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2020. – №1. – Стр. 249-255.

3. Рахмонова, Н.Р. О первых переводах Саади Ширази в русской литературе / Н.Р. Рахмонова // Вестник Таджикского национального университета, Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2021. – №1. – Стр. 223-229

4. Рахмонова, Н.Р. Саади Ширази и басни И.А. Крылова (к вопросу об освоении и влиянии) / Н.Р. Рахмонова // Вестник Таджикского национального университета, серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2021. – №4. – Стр. 261-267

Статьи, опубликованные в других научных журналах и изданиях:

1. Рахмонова, Н.Р. Об исследовании творчества Саади Ширази в контексте русско-восточных литературных связей / Н.Р. Рахмонова // «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в ВУЗах Таджикистана»: Материалы Международной научно-практической конференции. – Душанбе: МЭИ, 2020. – Стр. 259-264.

2. Рахмонова, Н.Р. Своеобразие перевода «Бустана» Саади Ширази Н.М. Карамзиным / Н.Р. Рахмонова // «Актуальные проблемы теории и практики перевода»: Материалы Международной научно-практической конференции. – Душанбе: ТНУ, 2020. – Стр. 140-146.

3. Рахмонова, Н.Р. «Западно-Восточный диван» И.В. Гете и Саади Ширази (проблема перевода и восприятия) / Н.Р. Рахмонова // «Русский и иностранные языки: перспективы преподавания в ВУЗах Таджикистана с использованием современных образовательных технологий»: Материалы Международной научно-практической конференции. – Душанбе, МЭИ, 2021. – Стр. 302-310.

4. Рахмонова, Н.Р. Вхождение Саади в русскую литературу: литературные связи и проблема перевода: монография / Н.Р. Рахмонова. – Душанбе: ТНУ, 2021. – 102 с.

5. Рахмонова, Н.Р. Специфика вольного перевода на примере произведений Саади / Н.Р. Рахмонова // «Русский язык и литература в современных реалиях»: Материалы Международной конференции. – Душанбе: ТНУ, 2022. – Стр. 279-287

6. Рахмонова, Н.Р. Своеобразие переводов «Гулистана» И. Холмогорова и С. Назарианца / Н.Р. Рахмонова // «Актуальные проблемы филологии и журналистики»: Материалы Международной научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ 2022. – С. 435-442.

7. Рахмонова, Н.Р. Проблемы вариативности перевода на примере газели Саади Ширази «Эй сорбон, охиста рон, к-ороми чонам меравад...» / Н.Р. Рахмонова // «Стратегии и тренды развития журналистики, филологии и лингводидактики»: Международная научно-практическая конференция. – Душанбе: РТСУ 2023. – С. 302-319.